

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-358-367

РЕФЕРЕНДУМ В ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ 1999 г.: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОСТРОТЫ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Павел Сергеевич ШАТЕРНИКОВ¹

¹ ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Аннотация: С момента референдума о независимости Восточного Тимора (1999) прошло более четверти века, что позволяет анализировать это событие с учётом исторической перспективы. За это время сформировались два конкурирующих дискурса: «официальный» (доминирующий в самом Восточном Тиморе и международном сообществе) и «проиндонезийский» (отражающий позицию Джакарты и её сторонников). В данной работе эти нарративы сопоставляются с точки зрения их соответствия историческим фактам и современной историографии. Научная новизна исследования заключается в критическом анализе обоих подходов, а также в актуализации темы для российской науки, где последние работы по Восточному Тимору датируются 2015 г. Исследование опирается на широкий круг источников: документы ООН, воспоминания участников, индонезийские и восточнотиморские официальные нарративы. Особое внимание уделяется тому, как эти дискурсы влияют на современные отношения между Джакартой и Дили.

Ключевые слова: Референдум в Восточном Тиморе 1999 г., независимость Восточного Тимора, Миссия ООН в Восточном Тиморе, индонезийская оккупация, конкурирующие нарративы, критический анализ дискурсов, политика памяти

Для цитирования: Шатерников П.С. Референдум в Восточном Тиморе 1999 г.: от политической остроты к исторической памяти // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 1, № 1 (66). С. 358–367. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-358-367

Original article. Historical science

THE 1999 EAST TIMOR REFERENDUM: FROM POLITICAL URGENCY TO HISTORICAL MEMORY

Pavel S. SHATERNIKOV¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,

pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Abstract: More than a quarter of a century has passed since the East Timor independence referendum (1999), allowing for an analysis of this event from a historical perspective. Over this period, two competing discourses have emerged: the 'official' one (dominant in East Timor itself and the international community) and the 'pro-Indonesian' one (reflecting Jakarta's position and its supporters). This study compares these narratives in terms of their alignment with historical facts and contemporary historiography. The scientific novelty of the research lies in its critical analysis of both approaches, as well as in its relevance to Russian scholarship, where the latest works on East Timor date back to 2015. The study draws on a wide range of sources, including UN documents, eyewitness accounts, and official Indonesian and East Timorese narratives. Special attention is paid to how these discourses influence contemporary relations between Jakarta and Dili.

Keywords: 1999 East Timor referendum, independence of East Timor, UN Mission in East Timor, Indonesian occupation, competing narratives, critical discourse analysis, politics of memory

For citation: Shaternikov P.S. The 1999 East Timor Referendum: From Political Urgency to Historical Memory. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T.1, №1 (66). Pp. 358–367. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-358-367

Введение

Референдум о независимости Восточного Тимора, проведённый 30 августа 1999 г. под эгидой ООН, стал поворотным моментом в истории Юго-Восточной Азии. Это событие не только положило конец 24-летней индонезийской оккупации, но и продемонстрировало сложное взаимодействие международного сообщества, национального самоопределения и постколониальной трансформации. Спустя четверть века после референдума появилась возможность переосмыслить его значение с учётом накопленных исторических знаний, рассекреченных документов и эволюции научных подходов к изучению постконфликтных обществ.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в российской историографии тема Восточного Тимора остаётся сугубо периферийной: последние значимые работы датируются серединой 2010-х гг., тогда как за рубежом продолжается активное изучение как последствий референдума, так и современных отношений между Восточным Тимором (Тимором-Лешти) и Индонезией. Во-вторых, сохраняется поляризация в интерпретациях событий

1999 г.: если «официальный» дискурс, поддерживаемый ООН и правительством Тимора-Лешти, акцентирует на праве народа на самоопределение, то проиндонезийская – на вопросах стабильности и территориальной целостности Индонезии¹. В-третьих, смена поколений как в самом Тиморе-Лешти, так и в Индонезии требует нового осмысления этих событий в контексте политики памяти.

Целью статьи является критический анализ двух основных нарративов о референдуме 1999 г. — «официального» и «проиндонезийского» — через призму их соответствия историческим фактам и современным научным интерпретациям. В задачи исследования входит: реконструкция ключевых положений каждого дискурса, выявление их идеологических оснований и поддерживающих групп, оценка их влияния на современные отношения между Дили и Джакартой, определение степени мифологизации в обоих случаях.

Методологическую основу работы составляет сравнительно-исторический анализ, дополненный элементами критической дискурс-аналитики. Источниковую базу формируют документы ООН (включая отчёты МООНВТ¹ и ВАООНВТ²), мемуары участников событий, материалы индонезийской и восточнотиморской прессы, а также современные академические исследования.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении двух противостоящих интерпретаций референдума с опорой на широкий круг источников, включая ранее не использовавшиеся в российской науке материалы. Практическая значимость работы связана с возможностью применения её выводов для понимания современных процессов формирования национальной идентичности в Тиморе-Лешти и трансформации постконфликтных отношений в регионе.

Структура статьи включает анализ исторического контекста референдума, сравнительное рассмотрение основных нарративов, оценку их устойчивости к фактологической проверке и заключение о перспективах дальнейшего изучения темы.

Исторический контекст референдума 1999 года

Референдум о независимости Восточного Тимора, проведённый под эгидой ООН 30 августа 1999 г., стал кульминацией 24-летнего конфликта между индонезийскими властями и движением за само-

¹ Миссия ООН в Восточном Тиморе.

² Временная администрация ООН в Восточном Тиморе.

определение тиморского народа. После падения режима Сухарто в 1998 г. Джакарта, находясь под международным давлением, согласилась предоставить Восточному Тимору право выбора между автономией в составе Индонезии и полной независимостью. По данным ООН, в голосовании приняли участие 98,6% зарегистрированных избирателей, 78,5% из которых высказались за независимость². Однако сам процесс сопровождался масштабным насилием: проколониальные милиции, поддерживаемые индонезийской армией (*TNI*), устроили волну убийств, поджогов и депортаций, что привело к гибели около 1,4 тыс. человек и перемещению 500 тыс. жителей³.

Эти события стали не только поворотным пунктом в истории Восточного Тимора, но и триггером формирования двух взаимоисключающих исторических нарративов, продолжающих влиять на политику памяти и межгосударственные отношения в регионе.

Официальный дискурс, доминирующий в Восточном Тиморе (Тиморе-Лешти) и поддерживаемый международным сообществом, категорически отрицает легитимность индонезийской аннексии 1975 г. Этот тезис опирается на несколько ключевых аргументов, подкреплённых международным правом и историческими свидетельствами.

Вторжение Индонезии в Восточный Тимор 7 декабря 1975 г., последовавшее за декларацией независимости территории от Португалии, было осуждено международным сообществом. Уже 12 декабря 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 3485, признающую право тиморского народа на самоопределение и призывающую Джакарту вывести войска⁴. Последующие резолюции (№ 389 от 22.04. 1976 г. и др⁵.) подтверждали статус Восточного Тимора как «несамоуправляющейся территории» под португальской администрацией, тем самым отвергая индонезийские претензии на суверенитет.

Период индонезийского контроля (1975–1999) описывается как время систематического насилия. Согласно отчёту Комиссии по установлению истины и примирению (*CAVR*, 2005), за 24 года оккупации погибли от 100 до 180 тыс. тиморцев — около 20% населения⁶. Эти цифры включают жертвы массовых казней (например, резню в городе Лаклута в 1981 г., наиболее известную в мировом сообществе резню на кладбище Санта-Круз в 1991 г. и другие примеры массовых казней, упомянутых в отчёте *CAVR*³), голода, вызванного принудительными

³ Резня на кладбище Санта-Круз (1991), когда индонезийские войска расстреляли от 100 до 300 мирных демонстрантов, стала символом репрессий. Видеозапись событий, тайно

переселениями, и политики «выжженной земли» в ответ на партизанскую деятельность ФРЕТИЛИН. Официальный дискурс акцентирует попытки Индонезии уничтожить тиморскую идентичность: запрет на использование португальского языка и тетума (1975–1999), насильственное внедрение индонезийского языка в образование, принудительное обращение в ислам (хотя 98% тиморцев — католики)⁷.

Референдум 30 августа 1999 г., проведённый под эгидой ООН, рассматривается как правовое и моральное подтверждение права тиморцев на самоопределение.

Миссия ООН в Восточном Тиморе (*UNAMET*), развёрнутая в июне 1999 г., сыграла ключевую роль в обеспечении легитимности голосования. Вопреки угрозам со стороны проколониальной милиции (например, *Aitarak*), *UNAMET* организовала регистрацию 451 тыс. избирателей (98,6% от имевших право голоса). Наблюдатели из 50 стран, включая индонезийских правозащитников, подтвердили отсутствие массовых фальсификаций⁸.

Индонезийская армия (*TNI*) и поддерживаемые ею милицейские части пытались сорвать референдум через кампанию террора. За неделю до голосования боевики убили 14 сотрудников *UNAMET* в городе Малука, а после оглашения результатов (78,5% за независимость) начали «операцию мести», уничтожив 70% инфраструктуры страны⁹.

Австралия и Португалия, выступавшие гарантами процесса, оказали давление на Джакарту. В сентябре 1999 г. Совет Безопасности ООН санкционировал введение миротворческих сил *INTERFET*, что предотвратило полномасштабный геноцид. Этот шаг показал, что международное право в определённых условиях способно преодолевать геополитический цинизм времён Холодной войны, когда международное сообщество под предводительством Вашингтона закрыло глаза на трагедию Восточного Тимора.

Официальный нарратив превратил борьбу за независимость в краеугольный камень национальной идентичности Тимора-Лешти, что выражается в следующих аспектах:

Революционный фронт за независимость Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН), основанный в 1974 г., изображается как единственная сила сопротивления. Его лидеры, такие как Шанана Гужмау (президент в 2002–2007 гг.) и Жозе Рамуш-Орта (лауреат Нобелевской премии мира 1996 г.), представлены в дискурсе как «отцы нации». Мону-

вывезенная журналистами, вызвала международное осуждение и привела к созданию движения солидарности с Восточным Тимором.

менты честь борцов за свободу (например, статуя Николау Лобату в Дили) подчёркивают преемственность борьбы. Проводятся ежегодные церемонии в честь «героев независимости» (например, День национальных героев 7 декабря) и мемориалы (Музей Сопrotивления в Дили) формируют коллективную память о борьбе как о моральном долге.

Тем не менее, официальный дискурс игнорирует расколы внутри тиморского общества. Например, в 1975 г. между ФРЕТИЛИН (радикальные социалисты) и Демократическим союзом Тимора (*UDT*, проиндонезийски-настроенные умеренные националисты) вспыхнула гражданская война, унёсшая 2 тыс. жизней¹⁰. Именно этот конфликт Джакарта использовала как предлог для вторжения. Однако в современности *UDT* упоминается лишь как «маргинальная группа», что в целом обосновано достаточно малозаметными позициями движения в восточнотиморской политике наших дней.

Критика официального дискурса

Несмотря на доминирование, официальный нарратив сталкивается с академической и политической критикой.

Одним из основных недостатков этого нарратива является игнорирование клановых и региональных расколов. Тиморское общество исторически делится на восточные (Лоросаз) и западные (Лоромони) кланы, чьи противоречия обострились после независимости. Например, в 2006 г. конфликт между выходцами с востока и запада привёл к гражданскому противостоянию, в ходе которого погибли 37 человек. Однако официальный дискурс избегает этой темы, изображая тиморцев как монолитную общность.

Референдум 1999 г. показал, что 21,5% населения (около 94 тыс. человек) предпочли автономию в составе Индонезии. Многие из них принадлежали к этническим меньшинствам (например, к китайско-тиморской общине) или регионам, экономически зависимым от Джакарты¹¹.

Таким образом, официальный дискурс о референдуме 1999 г. выполняет ключевую роль в консолидации тиморской государственности, однако его монополизация исторической памяти создаёт некоторые риски. Игнорирование внутренних конфликтов и разнообразия мнений затрудняет построение инклюзивного общества. Преодоление мифологизации прошлого остаётся важной задачей для Тимора-Лешти в его движении к устойчивому будущему.

Конкурирующий (индонезийский) нарратив

Проиндонезийский нарратив утверждает, что аннексия Восточного Тимора в 1975 г. была легитимным актом, основанным на воле части тиморской элиты и необходимости предотвращения хаоса. Этот тезис опирается на следующие аргументы:

Во-первых, индонезийская сторона обосновывает своё вторжение историческим контекстом и «просьбой о помощи» со стороны проиндонезийских сил в Восточном Тиморе. После декларации независимости Восточного Тимора от Португалии в ноябре 1975 г. в регионе началась гражданская война между прокоммунистическим ФРЕТИЛИН и умеренным Демократическим союзом Тимора (*UDT*). Индонезийская пропаганда акцентирует, что *UDT* и другие группы (например, *APODETI*) обратились к Джакарте с просьбой о вмешательстве, опасаясь установления «второго Вьетнама» в Юго-Восточной Азии. Как заявил в 1976 г. президент Сухарто: «Мы пришли не как оккупанты, а как защитники братского народа от коммунистической угрозы»¹².

Индонезия также ссылается на решение Народного собрания Восточного Тимора, которое 31 мая 1976 г. единогласно проголосовало за интеграцию. Однако легитимность этого органа оспаривается, поскольку фактически Индонезия оккупировала Восточный Тимор ещё в декабре 1975 г.: по данным ООН, делегаты были назначены оккупационными властями, а голосование проходило под контролем военных. Тем не менее, в индонезийском дискурсе это событие подаётся как «торжество демократии».

Проиндонезийский дискурс апеллирует и к глобальному противостоянию эпохи холодной войны. Индонезия, будучи де-факто союзником США, позиционировала себя как «бастион против коммунизма». Аннексия Восточного Тимора, стала частью стратегии сдерживания, одобренной Вашингтоном. Рассекреченные документы ЦРУ подтверждают, что США и Австралия закрывали глаза на нарушения прав человека, считая стабильность Индонезии приоритетом¹³.

В 1995 г. президент Сухарто заявил: «Без нашего вмешательства Восточный Тимор погрузился бы в кровавый хаос, как Камбоджа при Пол Поте»¹⁴.

Апологеты индонезийского правления подчёркивают, что оккупация принесла Восточному Тимору экономическое развитие и модернизацию.

За 24 года Индонезия построила в Восточном Тиморе:

- 1,200 км дорог, включая шоссе *Trans-Timor Highway*, соединившее Дили с индонезийской частью острова;

- 145 школ и 32 больницы;
- Аэропорт в Баукау и морской порт в Дили¹⁵.

Индонезия внедрила систему всеобщего начального образования и здравоохранения. Уровень грамотности вырос с 10% (1975) до 50% (1999), хотя обучение велось исключительно на индонезийском языке.

Проиндонезийский дискурс изображает референдум 1999 г. как результат геополитических манипуляций, а не воли тиморского народа, обвиняя, в основном, австралийскую и американскую стороны.

Джакарта обвиняет Канберру в стремлении контролировать нефтяные месторождения Тиморского моря. В 1989 г. Австралия и Индонезия подписали договор о разделе доходов от *Timor Gap* (90% — Австралии, 10% — Индонезии). После 1999 г. Дили пересмотрел соглашение, получив 90% доходов. В Индонезии распространено мнение, что Австралия разыграла карту прав человека, чтобы украсть наши ресурсы». Индонезия указывает на то, что международное сообщество игнорирует сепаратистские движения в других регионах (например, Каталонию или Квебек), но поддерживает Восточный Тимор. «Это не борьба за права, а колониализм под новым соусом», — заявил в 2000 г. генерал Виранто¹⁶.

Проиндонезийский нарратив акцентирует провалы независимого Тимора-Лешти, чтобы доказать преимущества интеграции.

После 2002 г. 70% бюджета страны составляла иностранная помощь. Даже в 2020 г. 40% ВВП зависело от нефтяных доходов, которые сократились из-за истощения месторождений, что повлекло впоследствии и значительное снижение ВВП страны в 2022–2023 гг.¹⁷.

В 2006 г. конфликт между президентом Гужмау и премьер-министром Алкатири привёл к гражданским столкновениям. 150 тыс. человек стали беженцами, а Австралия ввела миротворцев для восстановления порядка.

Уровень бедности в 2023 г. составляет 42%, а безработица среди молодёжи — 65%. Индонезийские аналитики утверждают: «Независимость превратила страну в вечного иждивенца».

Несмотря на внешнюю стройность, этот нарратив сталкивается с серьёзными возражениями.

Доклад индонезийской Комиссии по правам человека (KPP HAM, 2000) подтвердил, что военные:

- Финансировали проколониальную милицию (2 млн долл. в 1999 г.);

- Поставляли оружие для «операции месть»;
- Уничтожали доказательства массовых убийств (например, сожжение тел в Айнаро)¹⁸.

Запрет на использование португальского и *тетума* в период индонезийской оккупации привёл к утрате значительной части культурного наследия. В международном праве подобные действия классифицируются как культурный геноцид. В случае с Индонезией, этого не произошло поскольку прецедент международного трибунала над индонезийскими военными и политиками мог привести к коллапсу индонезийской государственности и создать прецедент для подобных расследований и судов по всему миру.

Заключение

Проиндонезийский дискурс, несмотря на свою внутреннюю логику, страдает избирательным подходом к фактам. Его главная функция — оправдание прошлой политики Джакарты и противодействие международной критике. Однако отрицание преступлений и мифологизация «золотого века» интеграции мешают историческому примирению.

Таким образом, официальный международный и восточнотиморский дискурс, несмотря на ряд недостатков, остаётся в целом более комплексным и адекватным. Безусловно, проблема независимости молодого государства остаётся очень политизированной и предстоит большой путь по историческому осмыслению процессов, которые привели к суверенному статусу Тимора-Лешти. В то же время, стоит подчеркнуть, что обе стороны – и Дили, и Джакарта в двусторонних отношениях нацелены на преодоление проблем исторической памяти и построение равноправного партнёрства. В наши дни отношения этих стран служат примером достаточно успешного преодоления проблем исторической памяти.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ШАТЕРНИКОВ Павел Сергеевич, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 30.04.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025;
принята к публикации 30.05.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel S. SHATERNIKOV, Junior Research Fellow, IMEMO RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 30.04.2025;
approved 16.05.2025;
accepted to publication 30.05.2025.

- ¹ Peake, G. L. Kent, A. Damaledo and P. Tu 2014. Influences and Echoes of Indonesia in Timor-Leste. SSGM Discussion Paper 2014/8. Canberra: Australian National University. URL: https://www.academia.edu/68522199/Influences_and_echoes_of_Indonesia_in_Timor_Leste?auto=download
- ² Хазанов А. М. Восточный Тимор: долгий путь к независимости // История и современность. 2012. №2. С. 113-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnyy-timor-dolgiy-put-k-nezavisimosti>
- ³ Chega The CAVR Report // CAVR. – URL: <http://www.cavr-timorleste.org/en/chegaReport.htm>
- ⁴ Резолюция 3485, (XXX): Вопрос о Тиморе // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/3485\(XXX\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/3485(XXX))
- ⁵ Резолюция 389 (1976) от 22 апреля 1976 года // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/389\(1976\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/389(1976))
- ⁶ Chega The CAVR Report // CAVR. URL: <http://www.cavr-timorleste.org/en/chegaReport.htm>
- ⁷ Timor-Leste Demographic and Health Survey 2016, с. 29. URL: <https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR329/FR329.pdf>
- ⁸ Хазанов А. М. Проблема Восточного Тимора // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2001. №1. С. 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vostochnogo-timora>
- ⁹ Хазанов А. М. Проблема Восточного Тимора. С. 87.
- ¹⁰ Hoadley, Stephen. East Timor: Civil War — Causes and Consequences // Southeast Asian Affairs, 1976. Pp. 411–419. JSTOR, URL: <http://www.jstor.org/stable/27908293>
- ¹¹ Хазанов А. М. Проблема Восточного Тимора. С. 86.
- ¹² Harian D. T. (2016), Suharto: A Political Biography. Cambridge University Press. P. 236.
- ¹³ U.S. sought to preserve close ties to Indonesian military as it terrorized East Timor in runup to 1999 independence referendum // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/indonesia/2019-08-28/us-sought-preserve-close-ties-indonesian-military-it-terrorized-east-timor-runup-1999-independence>
- ¹⁴ President in plea to end rising tensions // SCMP URL: <https://www.scmp.com/article/144589/president-plea-end-rising-tensions>
- ¹⁵ Documents on East Timor from PeaceNet and Connected Computer Networks // ETAN. P.19. URL: <https://etan.org/etanpdf/timordocs/timmas18%2092-11-30.pdf>
- ¹⁶ We did all we could to keep peace - Wiranto // The Sydney Morning Herald. URL: <https://www.smh.com.au/world/we-did-all-we-could-to-keep-peace-wiranto-20020405-gdf66x.html>
- ¹⁷ East Timor's Oil Resource: Boon or Bane? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2014/11/east-timors-oil-resource-boon-or-bane/>
- ¹⁸ Final paragraphs and Recommendations of KPP HAM's Report // ETAN. URL: <https://etan.org/et2000a/february/1-6/final.htm>